

Нравственные идеалы и ценностные приоритеты техногенного общества

Аннотация

Введение. Актуализируются качественные преобразования социокультурной реальности, заставляющие невольно задуматься о нравственно-ценностных основаниях социума. Универсализм западной культуры и многообразие спектра «незападных» социальных систем представляют собой два оппозиционных полюса трактовки аксиологических приоритетов человечества. Такая постановка вопроса приводит к возрастающей важности культурного вектора развития социума, способствующего возрождению интереса к национальным культурам с традиционными ценностями. Цель исследования заключается в осмыслении ценностных доминант социума в связи с острым противостоянием идеалов западной и незападных культур под влиянием информационных технологий, погружающих человечество в новое ощущение общности.

Материалы и методы. Методологической основой исследования выступает социокультурный подход (А. С. Ахиезер) к изучению аксиологических векторов современного общества, включая проницаемость границ между ментальными константами «свой» и «чужой» (М. М. Бахтин, М. Бубер), реализация которого в сочетании с общенаучными методами: движение от абстрактного к конкретному и от конкретного к абстрактному – способствует анализу ценностных приоритетов человечества.

Результаты исследования. Выявлено, что массовая культура является проводником альтернативных ценностных ориентиров, встраивающихся в структуру традиционных культурных программ, что создает напряжение в обществе, усиливая многослойность изменений. Отображены основные тенденции трансформаций ценностно маркированных смыслов в современной социокультурной реальности, осложненной техногенным фактором. Показано, что противостояние западных и незападных ценностных установок формирует особую картину динамики общества, оказывая глубокое влияние на культурный код человечества. Возрастающая уязвимость индивидуального субъекта стимулирует всплеск разновекторных направлений в культуре, от принятия абсурдных псевдоценностей до стремления сохранить традиционную культуру. Выявленная двойственность социокультурной реальности, усиленная цифровым фактором, расшатывает нравственно-ценностный базис общества, реально создавая угрозу его существования.

Обсуждение и заключение. Сделан вывод, что ценностная разобщенность субъекта массовой культуры остается той самой болевой точкой, благодаря которой осуществляются разного рода манипуляции, подменяющие морально-ценностные основы. Имплиcitный характер воздействия многообразия ценностей в техногенном мире изменяет смысл полюсов дуальной оппозиции «свое – чужое», перемещая периферийные ценности в ядро культуры, создавая неоднозначную ситуацию неопределенности. С одной стороны, формируется реальная опасность дезориентации личности и общества, с другой – возникает встречное движение усиления ценностей, принципов традиционной культуры.

Ключевые слова: нравственность, западные и незападные ценности, культурный код, идеология массовой культуры, техногенность, цифровизация социальной реальности.

Для цитирования: Рябова М. Э. Нравственные идеалы и ценностные приоритеты техногенного общества // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2025. Т. 25, № 1. С. 42–53. DOI: 10.24412/2078-9823.069.025.202501.042-053.

Marina E. Ryabova

Moscow City University (Moscow, Russia), e-mail: ryabovame@mail.ru

Moral Ideals and Value Priorities of the Technogenic Society

Abstract

Introduction. Qualitative transformations of socio-cultural reality are being actualized, forcing one to involuntarily think about the moral and value foundations of society. The universalism of Western culture and the diversity of the spectrum of “non-Western” social systems represent two opposing poles of interpretations of the axiological priorities of humanity. This formulation of the question leads to the increasing importance of the cultural vector of the development of society, which contributes to the revival of interest in national cultures with traditional values. The purpose of the study is to comprehend the value dominants of society in connection with the acute confrontation of the ideals of Western and non-Western cultures under the influence of information technologies, immersing humanity in a new sense of community.

Materials and Methods. The methodological basis of the study is the socio-cultural approach (A. S. Akhiezer) to the study of the axiological guidelines of modern society, to the permeability of the boundaries between the mental constants of “one’s own” and “another’s” (M. M. Bakhtin, M. Buber), the implementation of which in combination with general scientific methods: movement from the abstract to the concrete and from the concrete to the abstract, contributes to the analysis of the value priorities of humanity.

Results. It is revealed that mass culture is a conductor of alternative value orientations that are integrated into the structure of traditional cultural programs, which creates tension in society, increasing the multi-layered nature of changes. The main trends in the transformation of value-marked meanings in the modern socio-cultural reality complicated by the technogenic factor are shown. It is shown that the confrontation of Western and non-Western value orientations forms a special picture of the dynamics of society, exerting a profound influence on the cultural code of humanity. The growing vulnerability of the individual subject stimulates a surge of multi-vector directions in culture, from the acceptance of absurd pseudo-values to the desire to preserve traditional culture. The revealed duality of socio-cultural reality undermines the moral and value basis of society, really creating a threat to its existence.

Discussion and Conclusions. It is concluded that the value disunity of the subject of mass culture remains the same painful point, due to which various kinds of manipulations are carried out, replacing moral and value foundations. The implicit nature of the impact of the diversity of values in the technogenic world changes the meaning of the poles of the dual opposition “one’s own – someone else’s”, moving peripheral values to the core of culture, creating an ambiguous situation of uncertainty. On the one hand, a real danger of disorientation of the individual and society is formed, and on the other, a counter movement of strengthening the values, principles of traditional culture arises.

Keywords: morality, Western and non-Western values, cultural code, ideology of mass culture, technogenicity, digitalization of social reality.

For citation: Ryabova M. E. Moral Ideals and Value Priorities of the Technogenic Society. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2025; 25(1): 42–53. (In Russ.). DOI: 10.24412/2078-9823.069.025.202501.042-053.

Введение

Социальная мысль европейского общества жила долгое время иллюзией, что весь мир рано или поздно станет единым, универсально обустроенным по типу западной культуры, о чем достаточно убедительно свидетельствовали глобализационные тенденции. Однако в риторике современности все больше стало прослеживаться своеобразие позиций по вопросам видения ценностей с перспективы западной культуры. Незападные страны жестко выступают оппонентами европейского уклада жизни. Разница точек зрения кроется в преобладании индивидуализма на Западе и доминанты коллективизма в других культурах, из чего следует различное понимание традиций, ценностей, образа жизни. На фоне натиска техногенного фактора противостояние, построенное на аксиологической проблематике своего и чужого, западного и незападного, приобрело идеологический характер. В таком случае можно согласиться с утверждением С. Жижека, что идеология не просто пронизывает структуру реальности, а «задает сам модус действительного повседневного опыта» [8, с. 28].

Сегодняшний опыт вновь и вновь сталкивает нас с фактами, когда мы вынуждены замечать, что в социуме совместно существует множество локальных культур с разными ценностями и социокультурными основаниями. Иными словами, в культурном плане человек контактирует со множеством моделей поведения, которые с ментальной точки зрения непереводимы друг для друга. Разрыв между ценностями и здравым смыслом часто непреодолим. Поэтому особенно актуален этот вопрос сегодня, когда роль социокультурных реалий многих незападных цивилизаций возрастает, делая ценностные основания магистральным мейнстримом сегодняшнего дня.

К проблематике ценностных ориентиров присоединяется также вопрос о влиянии маркированной технологиями искусствен-

ного интеллекта и нейросетей социальной реальности на сознание индивидуального и коллективного субъекта, сопровождающегося переопределением мировоззренческих координат, обуславливающих их реализацию в деятельности. Аксиологические вызовы задают диалектическую динамику между старым и новым сущим, а также меру того, «что вправе считаться сущим» [21, с. 290]. Призванные предоставить прочную опору человеку, ценностные ориентиры организуют бытие индивида, а также повышают устойчивость общества в условиях постоянных внешних воздействий. Ценности и культура – понятия пересекающиеся. Ценности формируют культуру в нераздельно движущейся непрерывности, а культура создает ценностное ядро, воспроизводящееся субъектом. Как подчеркивает А. С. Панарин, существуют некие культурные образцы-идеалы в духовной сфере [14]. Развивая мысль А. С. Панарина, следует выделить, что набор ядерных ценностей выступает в виде матрицы базовых фильтров, норм, на которые ориентируется человек. Если ценностное единство разрушается и каждый индивид руководствуется только личными предпочтениями, то это, как можно сделать вывод из мысли П. Сорокина, приведет к распаду общества, так как все значимые «ценностные системы – детерминанты культурного качества – формируются под воздействием “двойственной” природы человека – существа мыслящего и существа чувствующего» [19, с. 21]. Утрата значимости ключевых ценностей приведет к снижению способности общества позитивно влиять на смысловой горизонт любого акта мысли субъекта. При допущении, что ценности являются стержнем культуры, выполняющим рефлексивную функцию, затрагивающую жизнедеятельность всей социокультурной системы в целом, сегодня в общественном сознании происходит ярко

выраженное соперничество ценностей, делающее необходимым определение ценностных позиций общества. Осмысление приоритетных ценностей, включая личностную самореализацию, разворачивается в международном политическом дискурсе, связанном с борьбой интересов. Парадигма цифровой культуры обрамляет и фундирует появление иного пространства культуры, наполненного новыми смыслами и ценностями, новыми возможностями, мировоззренческим содержанием, которое меняется быстрее, чем его познает человек.

Цель исследования заключается в осмыслении ценностных доминант в связи с острым противостоянием западной и незападных культур под влиянием информационных технологий, погружающих человечество в новое ощущение общности.

Обзор литературы

Не выдвигая задачи ретроспективно-го обзора теорий ценности, следует уточнить, что из имеющегося спектра определений и подходов вслед за М. С. Каганом в работе разделяется понимание ценности как «значения объекта для субъекта» [9, с. 68]. В приведенной трактовке открывается возможность формулировки содержания ценности в форме дуальной оппозиции «объект – субъект», где акцент падает не на свойство объекта, а на отношение, с одной стороны, объекта (вещи), выступающего носителем ценности, а с другой – субъекта, оценивающего этот объект и придающего ему конкретный смысл. Как уже отмечалось в литературе, ценность служит обозначением объекта в его отношении к субъекту оценки [18, с. 146]. В таком методологическом приеме заложен потенциал диалектики мышления воспринимать бытие человеческой реальности как ответ на его специфику. Отношения между двумя полюсами оппозиции «объект – субъект» можно описать через взаимопроникновение, взаимоотталкивание при прохождении

мысли между полюсами обозначенной оппозиции, что становится предметом озабоченности субъекта. А. С. Ахиезер подчеркивает, что суть сферы между можно понять на примере культуры, возникшей в результате способности субъекта «переживать переходы между двумя полюсами» [1, с. 20]. Следуя мысли А. С. Ахиезера, любая культура организована как бесконечная возможность переходов между противоположностями, которые репрезентируются в бытии человека, в нарастании значимости смыслов, рождающихся между исходными смыслами объекта и их интерпретацией субъектом. Продолжая мысль А. С. Ахиезера, сфера между служит методологическим путем постижения динамики общества, интерпретируемой как воплощение субъектного аспекта культуры.

Экстраполируя высказанную идею А. С. Ахиезера на проблематику исследования, представления о сфере между можно рассматривать как некую основу для смыслов, соединяющих, синтезирующих профанное и ценности. Иначе говоря, бытие человека запечатлевает в себе свое содержание как субъективное (часть) в объективном (целом). Следовательно, создается субъективный смысл объективного. Как заключает М. Вебер, если понять, какова ценность, на которую ориентировано действие человека, можно понять смысл самого действия [4, с. 622–623]. Эмпирическая действительность является для субъекта культурой лишь потому, что она соотносится с идеей ценности. Связывая существование ценностей с интенциями индивидуального субъекта, можно утверждать, что глубинные смыслы бытия индивидуального субъекта зиждутся на одновременной обособленности его от социума и соотнесенности с ним. Ценностные ориентиры экзистенции человека коррелируют с нормативно-нравственными константами общества, принимаемыми за точку отсчета.

Аксиологическое наполнение бытия со всеми его интенциональными подтекстами раскрывается лишь человеком в сложном мире его коммуникативных контактов. Поэтому пока человек не поставит ценности объективного бытия в контекст своей культуры субъективного, пока не распределит таящиеся в них реальные и идеальные смыслы в их движении, они не приобретут статус ценностей. К. Манхейм, размышляя о ценностях, приходит к выводу: «Ценности находят свое выражение прежде всего в том выборе, который делают индивиды: отдавая предпочтение одному перед другим, я произвожу оценку» [12, с. 556]. Следовательно, мировоззренческий фактор выступает решающим, схватывающим сознание субъекта, что указывает на содержание в ценностях нравственных максим. «Ведущей социокультурной сферой, в которой фиксируются ценностные установки, является нравственность, включенная в сложившиеся культурные программы соответствующего общества. Именно нравственность нацеливает человека на определенный – творческий или консервативный – тип деятельности, формируя в пространстве нравственных представлений некий идеальный тип личности как активный или пассивный» [18, с. 146].

Характер ценностей определяется направленностью общественных тенденций. Мировое социокультурное сообщество вошло в XXI в. довольно неоднозначно, привнеся не только вызовы технологий и повсеместной цифровизации, но и мировоззренческие противостояния, состояние неопределенности, а также ценности прежней идеологии, что чревато рисками столкновений. Двойственность социокультурной современности захватывает человека, интенсифицируя трансформацию ценностных систем, выступая фактором значительных разногласий личностных и общественных ценностных приоритетов. Сложный харак-

тер ценностных преобразований не позволяет однозначно обозначить их прогрессивными или деструктивными. Очевидно лишь то, что происходит переоценка ценностей в диапазоне от духовной сферы до материально-вещной. Реалии современной жизни укореняют ценности на уровне единичного, особенного и всеобщего, на уровне переходов между ними в деятельности возрастающей массы людей.

Современность, исходя из ее специфики, сквозь призму аксиологического аспекта представлена неким симбиозом абстрактных, виртуальных, даже вероятностных идеалов, где доминирующими являются ценностные ориентации массовой культуры. И это неслучайно. Эпоха потребления навязывает интенциональность приоритетов массового общества, задающих смысловые значения активности человека.

Развитие массового общества привело к появлению одного из влиятельнейших сегментов – массовой культуры, создавшей свои предпочтения и стандарты, которые породили противоположную традиционной культуру мышления, суть которой заключается в формализации отношений к реальности, нахождение подходящих ценностей для приспособления к новому миру. В структуру идентичности субъекта новой культуры встраивается консьюмеризм. Каркас массовой культуры пропитал практически все аспекты бытия, постулируя статус ценностей как особого вида ментальной информации. И. Ф. Петров пишет, что массовая культура «снижает моральные возможности культуры посредством ее гомогенизации, что приводит к общей конвергенции в направлении одного стереотипа, безликого целого» [15, с. 21]. В работах многих выдающихся мыслителей (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе, К. Ясперс и др.) фиксируется нравственно нивелирующий, деперсонифицирующий человека характер массовой культуры, формирую-

щей новый смысл обезличенного бытия в сознании масс. «Массовый человек не самостоятелен и не критичен, он ориентирован на минимальный уровень культуры, он уже не планирует свою жизнь как путешествие» [20, с. 13].

Носитель массового сознания проявляет себя шаблонным одномерным мышлением, включая ценностные представления. Как подметил Х. Ортега-и-Гассет, «приоритет человека вообще, без примет и отличий, человека, как такового, превратился из общей идеи или правового идеала в массовое мироощущение, во всеобщую психологическую установку» [13, с. 26]. Приведенная цитата подводит к выводу, что массовая культура колоссально воздействует на ментальную сферу человека, выступая эффективным средством управления им, и, если учитывать возможности информационного модуса бытия всех и каждого, практически с неограниченным масштабом влияния.

Материалы и методы

Методологической основой исследования выступает социокультурный подход в трактовке А. С. Ахиезера, который предполагает, что ценности, моральные и этические установки не существуют изолированно, а формируются под влиянием различных социальных, исторических и культурных факторов. Выбор социокультурной теории А. С. Ахиезера в качестве основополагающей обосновывается тем, что ученый рассматривает ценности как динамичный элемент культурной идентичности, который может как стабилизировать общество, так и дезорганизовывать его. Здесь важна специфика взгляда А. С. Ахиезера, суть которого состоит в том, что ценности являются не только результатом социокультурных взаимоотношений, но и механизмом становления и трансформации общества.

Обращение к идее проницаемости границ между ментальными константами

«свой» и «чужой» опирается в первую очередь на теории М. М. Бахтина и М. Бубера, которые акцентируют внимание на диалоге и восприятии идентичности, что в контексте заявленной проблематики занимает приоритетные позиции.

Общенаучные методы от абстрактного к конкретному и от конкретного к абстрактному способствуют анализу ценностных приоритетов человечества и их роли в формировании массовой культуры.

Результаты исследования

Взаимодействие коллективного субъекта в особой системе «свои – чужие» во многом обусловлено информационным модусом бытия, пребывание в котором оказывается вызовом для мировоззренческого микрокосма «Я». Индивидуальный субъект, проявляющий свою сущность в самых различных форматах, ставших потенциально возможными в современной реальности, испытывает давление «чужих» моделей поведения и выбора из многоплановых отношений к «чужим» жизненным ориентирам. Внутреннее самоощущение достоверности «своего» противостоит смысловому контексту «чужого», который при первом же прочтении его поступков как себя в чужом, превращает «чужого» в «другого». Соединяющая связь с «другим» возможна лишь при условии, если не отчуждает себя в себе. Вспомним Г. В. Ф. Гегеля: «Сознание достигает своего удовлетворения только в некотором другом самосознании» [5, с. 96]. В данном контексте подразумевается самосознание отдельных индивидов, т. е. «Я» обнаруживается для себя постольку, поскольку утверждает по отношению к «другому» свое право быть индивидуальностью, самостоятельным самосознанием.

Эмпирический анализ действительности показывает, что отношение коллективного субъекта к общечеловеческим ценностям отражает содержание качественных характеристик человеческого бытия и во

многим зависит от видения схожих или противоположных черт у «чужого». Несмотря на то что граница между «своим» и «чужим» не бывает неподвижной, смена аксиологических координат инициирует радикальную трансформацию мышления индивидуального субъекта, погруженного в мир технологических возможностей. Здесь уже борьба западных и незападных ценностей разворачивается в самых неожиданных формах. Например, все рассуждения в пространстве оппозиции «свой – чужой» отталкивались от базового понятия «субъект». Сегодня технический мир обуславливает социокультурное общество таким образом, что границы между культурой и техникой становятся неразличимы, размывая категории телесного и технологического, что, безусловно, требует переосмысления представлений не только о технике, но и о субъекте, а также свидетельствует об усилении гибридного аспекта культуры, объединяющего физический и цифровой миры. Как утверждает В. О. Богданова, «развитию субъектности в цифровой среде мешает обилие информации, с помощью которой осуществляется манипулирование сознанием» [3, с. 88]. На основании сказанного можно предположить, что происходит усложнение языка культуры. В цифровой реальности оппозиция ядра и периферии культуры умножается возможностями их сочетаний и переходов, увеличивая многообразие как таковое и порождая новое видение границ допустимого. Границы ценностных представлений раздвигаются настолько, что сознание не в состоянии охватить его.

В сущности, современный человек живет в условиях двойной детерминации, обусловленной, с одной стороны, физической реальностью, а с другой – виртуальной, провоцируя информационную перегрузку. Ход размышлений невольно подводит к термину «точка бифуркации» в культурном

многообразии как «своего», так и «чужого». «Символом современного мироощущения стали процессы инкорпорации виртуальных реальностей в обычные и наоборот, перебивка реальностей, предъявление событий, которые впечатляют, но невозможно понять, к какой реальности они принадлежат» [17, с. 99]. Информационный набор, который человек сочетает, конструируя свое «Я» в цифровых лабиринтах, позволяет создавать новые типы массовых обществ, получивших название «умные толпы» (Г. Рейнгольд) [16]. Здесь речь идет не о развитии интеллектуальных качеств личности, а лишь о масштабности информирования за счет мобильных технологий. Отличительной особенностью в деятельности умных толп выступает цифровая специфика сегодняшней техногенной реальности, в информационное поле которой может войти любой и каждый, вне зависимости от социокультурных предпочтений. Информационное пространство превращает человека в анонимную спонтанную массу искусственной общности, в часть умной толпы, инициированной к тому или иному действию.

Зададимся вопросом: умная толпа в техногенном пространстве цифрового социума – это множество «своих», «чужих», «других» и как они соотносятся с «Я»? Следуя здравому смыслу, стремление человека стать частью толпы – это все же непрерывно преодолевающее границы «своего» движение к «другому», модель субъективного бытия которого схожа. Парадокс заключается в том, что «другой» на самом деле неинтересен, какой он в действительности. Он необходим для того, чтобы лишь обозначить, дать понять, удостовериться, что действия «другого» похожи на мои, не абсолютно «чужие» и, следовательно, могут считаться позитивными. В такой ситуации не возникает диалога, предполагающего обмен разными точками зрения. Умной толпе достаточно самого факта признания «Я» как такового.

Следует также учитывать, что субъект, находящийся в многообразии культурных образцов, различных коллективностей, не всегда является результатом его собственных усилий, более того, не всегда осознается им. Многообразие культур выступает в качестве амбивалентного феномена, содержащего в себе элементы различного свойства, благодаря которым осуществляется выбор той или иной модели ценностей. Поскольку гибридная реальность создает максимальные условия для возникновения пограничных состояний, в пространстве культурной неопределенности оказывается значительное количество индивидуальных и коллективных субъектов. Результатом является деструктивность, так как теряется связь со здравым смыслом. Дезориентированная личность утрачивает защищенность нравственных устоев и часто делает ложный выбор. Это приводит к отчуждению субъекта от адекватной культуры, приводя к упрощенным, а часто извращенным моделям жизнедеятельности и, как уже говорилось выше, способствует формированию новых маргинальных слоев.

В целом ценностные ориентиры культуры (в нашем случае традиционной) должны рассматриваться в качестве мощных движущих сил развития общества, имеющих первостепенное значение.

Обсуждение и заключение

Используя мощные средства социальных медиа, включая интернет, когнитивно нагруженная информация, нередко основанная не на фактическом материале, а по принципу конкретных оценочных суждений, вызывает деструктивное воздействие. Например, связанные с иностранными центрами общественного мнения медиаресурсы с информационными материалами, касающимися приграничных с Украиной регионов России, содержат материалы новостного характера, описывающие военные события на линии фронта, ход боевых

действий и т. п. Обращенные к массовой аудитории, подобные публикации акцентируют внимание на неудачах и потерях российской армии, стремясь вызвать чувство страха и незащищенности. При этом, как утверждают исследователи (М. А. Давыдова, И. Д. Кравчук), материалы в значительном числе случаев являются недостоверными или сфальсифицированными [7, с. 19]. Тем не менее авторы указывают на риски распространения такого контента среди массовой аудитории. Ведь массовый человек не задается вопросом, почему это происходит, главное – следствие, а не причина. Налицо манипуляция, так как массовый человек поступает иррационально. Масса – это толпа, а толпа иррациональна. Г. Лебон подчеркивает эффективность подобного рода манипуляции именно по отношению к толпе – собранию людей, лишенных (по ситуации) выраженных индивидуализирующих черт: «Главной характерной чертой нашей эпохи служит именно замена сознательной деятельности индивидов бессознательной деятельностью толпы» [10, с. 98]. В мировоззренческом плане это отражается в идеологии распространения псевдоценностей, и нужно помнить, что они небезобидны. Это важно, потому что сегодняшняя украинская проблема является лишь одним из аспектов противостояния с Западом. Если взять за основу, что Украина – инструмент Запада, то достижение военных целей должно быть победой не над Украиной, а над Западом, что, безусловно, требует бережного отношения к фундаментальным ценностным основам человеческого бытия и позиционирования России на мировой арене в контексте этой проблематики. Вся украинская ситуация – гораздо больше, чем конфликт интересов, она является отражением ожесточенного столкновения антагонистических ценностных систем. С одной стороны, западных ценностей, как их часто называют, «коллективного Запада», а с дру-

гой – традиционных человеческих ценностей, причем ориентируясь на многополярность культур, которые защищает Россия.

Унифицируемая массовой культурой повседневность информационного общества становится проводником ее ценностей. «Техницизм не зря считается одним из атрибутов современной культуры, то есть культуры, которая вбирает лишь те знания, что приносят материальную пользу», – утверждает Х. Ортега-и-Гассет [13, с. 79]. Одним из результатов этого становится адаптация к среде, информационный массив которой представлен поликодовой системой, создающей предпосылки стирания «этнического лица», стереотипных моделей поведения того или иного народа, подстраиваясь под нормы и образцы тех культур (и языков), которые наиболее интенсивно распространяются в силу политических, экономических и иных причин. Например, сегодняшние дети гораздо лучше осведомлены, кто такая свинка Пеппа или фиксик, а привычные персонажи русских сказок им часто неизвестны. Эта особенность массовой культуры на западный манер представляется крайне важной для понимания культуры как арсенала способностей и ментальной программы человека. Возникает потенциальная опасность, что массовый человек полностью погрузится в коммуникативное пространство чужой культуры, нивелируя фундаментальные ценностные основы своей. Зададимся вопросом: что же в сегодняшней культурной полифонии считается «своей» культурой, что может служить основанием для такой связи?

Постановка проблемы нравственного измерения ценностных ориентиров «своей» культуры в дискурсе флуктуаций современности обновляется перманентно и предстает при подвижных условиях вариациями связки «свой – чужой», нацеливая осмысление многогранного бытия человека

как процесса, протекающего между некими противоположностями. Переходы между этими противоположностями схватываются постоянным взаимопроникновением, противостоящим взаимоотталкиванию, помогая проникнуть в человеческую реальность как результат своего существования.

В культуре, которую человек считает «своей», многое детерминировано развертыванием совокупности внешних и внутренних факторов. Исходное содержание «своего» локализовано территорией, национальными приоритетами, менталитетом, сложившимся ценностным представлением, иерархией смыслов, воспроизводящимися в жизненном пространстве. В ближайшем и дальнем окружении «своего» затаилось и «чужое», проявляющееся в расплывчатых образах и градуированных понятиях «чужая жизнь», «чужая территория», «чужие традиции», «неприятель», «противник», «враг» и др., которые порождают в сознании коллективного субъекта психологические установки к «чужому» от доверительных, нейтральных до враждебных. В обществе массовой культуры образуется незримая ценностная матрица идеологии «чужих» норм, в преобладающем большинстве связанных с западными ценностями, контрастирующих со «своими», выталкивающая в массовое сознание идею интеграции разнообразных жизненных стилей, включая нетрадиционные, утверждающих привилегированный статус ЛГБТ и других догм гендерного партнерства, согласно которым субъективная гендерная идентичность должна иметь приоритет над биологическим полом, позволяя смену пола, ювенальной юстиции, тем самым имплицитно программируя подмену нравственных устоев. Н. А. Мальшина отмечает, что коллапс ценностей культуры обуславливает изменение нормативности и ставит вопрос о перемещении «центра» и «маргиналий» в культуре [11].

Такое смещение ядра и периферии культуры обусловлено трансформацией поля культуры, принципиально другими возможностями расширения диапазона приемлемости норм и культурных образцов, смысл которых соотносится с внешними факторами. На фоне такой диффузности ценностных норм поля базовых и периферийных ценностей накладываются друг на друга, образуя смысловые конструкты, включающие мнимые, антинормативные элементы, откровенно диссонирующие с традиционными ценностями и нормами. Многие авторы почти единодушно говорят, что «чужие» со своими непривычными идеями постоянно находятся среди нас и они уже одним своим присутствием изменяют нашу социальную среду и жизнь [2].

Весь спектр девиаций приобретает легитимность в процессе нравственной инверсии, осуществляя смену общечеловеческих ценностей, а выступающие с критикой «новой нормальности» подвергаются осуждению и травле. В качестве типичного примера такой переполусовки можно привести западный тренд коленопреклонения в знак поддержки движения Black Lives Matter («Жизни черных важны») против расизма. Когда сборная России перед матчем Евро-2020 отказалась вставать на колено, и более того, русские болельщики освистали за акцию команду соперников, которые преклонили колено, то УЕФА осудил их поведение, а в иностранных СМИ прокатилась волна жесткой критики поведения россиян. Этот пример – лишь один из околополитических моментов, который характеризует лукавство ценностных акцентов западной культуры. Сказанное свидетельствует о том, что в современном мире подвижность границ между ядром и периферией культуры стала универсальным способом человеческого бытия. Сам фактор подвижности границ, воспринимаемый уже как привычное явление, усиливает элемент случайно-

сти как критерия проникновения периферийной культуры в ее центр. Первым шагом освоения «чужого», маргинального образца является сомнение в «своем».

Изменение облика «своего» и «чужого» активизирует значимость каждой культурной общности, ментальные границы которой маркированы усилением контрастности противоположных тенденций. В российском обществе на фоне ценностно-нормативного хаоса возрастает стремление очертить внутреннее пространство «своего» аксиологического ядра, например, популярным сегодня утверждением «Я – русский», призванным осознать идентичность и сплотить россиян.

По мере переплетения «своего» и «чужого» различие между ними становится текучим, теряет категоричность, приобретает размытость. Фундаментом такого подхода к «чужому» явилась мысль Э. Гуссерля, который трактует «свое» как производное от «чужого»: «Сфере моего душевного бытия принадлежит все конституирование существующего для меня мира, а кроме того разделение этого конституирования на конститутивные системы, которые конституируют специфически собственное и Чужое» [6, с. 127]. Идея Э. Гуссерля отражает структурные конфигурации культуры, нацеленной на гибридного субъекта. Подобным образом рассуждает С. Жижек, когда характеризует субъекта в терминах идентичности, которая все более становится универсальна [8].

Взгляды Э. Гуссерля и С. Жижека сближают несколько моментов. Во-первых, признание оппозиции «своего» и «чужого»; во-вторых, наличие у них точек соприкосновения, благодаря которым возможен переход «чужого» в «свое». Сопряжение различных спектров смыслов бытия человека подтягивается в своеобразное культурное пространство, концентрирующее множество логик мышления, способствуя изменению собственного «Я».

Подводя итоги, следует заметить, что происходящие изменения в ядре западных ценностей и ориентир на незападные ценности Россией и Востоком свидетельствуют о фиаско западного универсализма с его монокультурой. Складывающаяся новая картина мира утверждает множественность культур и выбор приоритета традиционных ценностей, проводимых в жизнь разнообразными способами, от идеологии до искусства.

Потребность в осмыслении проблемы ценностных ориентаций носит непреходя-

щий характер. В текущих реалиях особую актуальность приобретает укрепление российской государственности, когда отчетливо кристаллизуется дрейф отечественной политики в сторону ярко выраженного ценностного разворота. Теоретическое и практическое изучение ценностного становления человека в информационном обществе свидетельствует о том, что происходит неудержимая переоценка ценностей, включая глубокое индивидуальное сомнение в позитивности навязываемых европейских «чужих» культур.

Список источников

1. Ахиезер А. С. Труды. М.: Новый хронограф, 2008. Т. 2. 504 с.
2. Баньковская С. П. Чужаки и границы: к понятию социальной маргинальности // Отечественные записки. 2002. № 6. URL: <https://strana-oz.ru/2002/6/chuzhaki-i-granicy-k-ponyatiyu-socialnoy-marginalnosti> (дата обращения: 20.01.2025).
3. Богданова В. О. Исследование проблем развития субъектности в цифровой среде // Психолог. 2023. № 4. С. 85–104. DOI: 10.25136/2409-8701.2023.4.43726.
4. Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. М., 1990. С. 602–643.
5. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. 495 с.
6. Гуссерль Э. Картезианские медитации. М.: Академический проект, 2010. 229 с.
7. Давыдова М. А., Кравчук И. Д. Дискурсы и технологии внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия в региональных сегментах социальных медиа // Власть. 2024. Т. 32, № 1. С. 16–23.
8. Жижек С. Возвышенный Объект Идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. 236 с.
9. Каган М. С. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис, 1997. 205 с.
10. Лебон Г. Психология народов и масс. М.: АСТ, 2022. 384 с.
11. Мальшина Н. А. Постнеклассическая парадигма в исследовании индустрии культуры России: новый тип рациональности и системы ценностей // Культура культуры. 2024. № 3. URL: <http://cult-cult.ru/the-post-non-classical-paradigm-in-the-study-of-the-russian-cultural-industry/> (дата обращения: 15.08.2024).
12. Манхейм К. Избранное: Диагноз нашего времени. М.: Говорящая книга, 2010. 744 с.
13. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2002. 509 с.
14. Панарин А. С. Реванш истории: Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Русский мир, 2005. 432 с.
15. Петров И. Ф. Массовая культура и ее детерминанты // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 6-1. С. 19–22.
16. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М.: Гранд-Фаир, 2006. 416 с.
17. Розин В. М. Условия введения и мыслимости категории «реальность» // Культура культуры. 2024. № 1. С. 97–109.
18. Рябова М. Э. Нравственность в XX веке: перспективы и тенденции // Синергетическая теория ценностей: колл. моногр. на основе материалов работы секции «Современная теория ценностей и синергетическая философия истории» в рамках форума «Дни философии в Петербурге – 2011», Санкт-Петербург, 17–19 нояб. 2011 г. СПб., 2012. С. 146–153.
19. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
20. Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н. Меняющаяся социальность: будущее капитализма // Вопросы философии. 2011. № 6. С. 3–15.
21. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 261–313.

References

1. Ahiezer A. S. Works. Moscow, 2008. Vol. 2. 504 p. (In Russ.)
2. Bankovskaja S. P. Strangers and borders: towards the concept of social marginality. *Otechestvennye zapiski* = Domestic Notes. 2002; 6 (7). Available at: <https://strana-oz.ru/2002/6/chuzhaki-i-granicy-k-ponyatiyu-socialnoy-marginalnosti> (accessed 20.01.2025) (In Russ.)
3. Bogdanova V. O. Research on the problems of developing subjectivity in the digital environment. *Psiholog* = Psychologist. 2023; 4: 85–104. (In Russ.)
4. Veber M. Basic sociological concepts. *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow, 1990: 602–643. (In Russ.)
5. Gegel G. V. F. Phenomenology of Spirit. Moscow, 2000. 495 p. (In Russ.)
6. Gusserl E. Carthusian Meditations. Moscow, 2010. 229 p. (In Russ.)
7. Davydova M. A., Kravchuk I. D. Discourses and technologies of external destructive information and psychological influence in regional segments of social media. *Vlast* = Power. 2024. Vol. 32; 1: 16–23. (In Russ.)
8. Zhizhek S. Sublime Object of Ideology. Moscow, 1999. 236 p. (In Russ.)
9. Kagan M. S. Philosophical theory of value. St. Petersburg, 1997. 205 p. (In Russ.)
10. Lebon G. Psychology of peoples and masses. Moscow, 2022. 384 p. (In Russ.)
11. Malshina N. A. Post-non-classical paradigm in the study of the Russian cultural industry: a new type of rationality and value system. *Kul'tura kul'tury* = Culture of Culture. 2024; 3. Available at: <http://cult-cult.ru/the-post-non-classical-paradigm-in-the-study-of-the-russian-cultural-industry/> (accessed 15.08.2024). (In Russ.)
12. Mankheim K. Favorites: Diagnosis of our time. Moscow, 2010. 744 p. (In Russ.)
13. Ortega-i-Gasset Kh. Rise of the masses. Moscow, 2002. 509 p. (In Russ.)
14. Panarin A. S. Revenge of history: Russian strategic initiative in the 21st century. Moscow, 2005. 432 p. (In Russ.)
15. Petrov I. F. Mass culture and its determinant. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* = International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019; 6-1: 19–22. (In Russ.)
16. Reingold G. Smart Crowd: A New Social Revolution. Moscow, 2006. 416 p. (In Russ.)
17. Rozin V. M. Usloviya vvedeniya i myslimosti kategorii “real’nost’”. *Kul'tura kul'tury* = Culture of Culture. 2024; 1: 97–109. (In Russ.)
18. Ryabova M. E. Morality in the 20th century: prospects and trends. *Sinergeticheskaya teoriya tsennostei*. St. Petersburg, 2012: 146–153. (In Russ.)
19. Sorokin P. Human. Civilization. Society. Moscow, 1992. 543 p. (In Russ.)
20. Fedotova V. G., Kolpakov V. A., Fedotova N. N. Changing Sociality: The Future of Capitalism. *Voprosy filosofii* = Questions of Philosophy. 2011; 6: 3–15. (In Russ.)
21. Heidegger M. European nihilism. *Problema cheloveka v zapadnoi filosofii*. Moscow, 1988. P. 261–313. (In Russ.)

Поступила 22.12.2024.

Сведения об авторе

Рябова Марина Эдуардовна – доктор философских наук, профессор, профессор департамента философии и социальных наук Московского городского педагогического университета (Москва, Россия). ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8728-3629>. Researcher ID WoS P-4104-2015. Scopus Author ID: 57202190324. eLibrary SPIN 3234-1749.

E-mail: ryabovame@mail.ru

Submitted 22.12.2024.

About the author

Marina E. Ryabova – Doc. Sci. (Philosophy), Full Professor, Professor Department of Philosophy and Social Sciences, Moscow City University (Moscow, Russia). ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8728-3629>. Researcher ID WoS P-4104-2015. Scopus Author ID: 57202190324. eLibrary SPIN 3234-1749.

E-mail: ryabovame@mail.ru